

СЕВЕРНОЕ ЛЕТО

Валентина Поспелова

Валентина Поспелова

СЕВЕРНОЕ ЛЕТО

*Моим родителям
Зинаиде Ивановне
и Марату Алексеевичу
Вертоградовым
посвящаю*

Валентина Поспелова

СЕВЕРНОЕ ЛЕТО

Пермь
2008

ББК: 84 (2 Рос – Рус) 6 – 5
П 61

*Автор благодарит ООО «Артикс»
за финансовую помощь в издании этой книги*

© Пospelова В. М., 2008

МЕЖДУ СИРИНОМ И АЛКОНОСТОМ

Единственно, с кем можно общаться, это — с Богом. Рано или поздно поэт приходит к такому осознанию, а когда приходит, — отражённая в творчестве жизнь обретает иное осмысление, иное сведение счётов, иную интонацию, иной звук. В конечном итоге, общение поэта с человеком (тщетное взывание к оному, бичевание и утешение его) приводит к той самой неизбежности — общению с Богом. Но не в плоскости воспроизведения начертанных на скрижалях истин (если — так, то человек — не более, чем раб Божий), а на уровне не всегда смиренной беседы с Ним.

Такова Валентина Пospelова в зраке Божьем: могущая в состоянии «незрелости и пылкости» перейти на «неземной» язык, доведённый до протяжно частящего ясновидческого причета, но и не бегущая изъясняться «с прямотой кривых зеркал», иногда дерзко приравнивающая две собеседующие субстанции («...не честнее ль / откровенно признаться: не очень-то мы / помнили друг о друге...»), а иногда, по отношению к себе подобным, принимающая Его сторону («Сколько вас учить-то, мол: сами, сами...»).

Дозрев до беседы с Ним, она доросла и до разговора с Читателем. Написав «Читателя» с заглавной буквы, я немедленно подумал: «А что, если Читателем становится Он? Тем, единственным — любящим, пристрастным и, на правах Творца, участвующим в сотворчестве? Тогда ни к чему зыбкие чита-

С прямотой
кривых
зеркал

* * *

В провинции глубокой, где живут
несуэто — просторно и неспешно,
где даль светла и воздуху — хоть ешь, но
абориген всем этим дежавю
по горло сыт, и посылает всё он
не близко — скажем так, в Караганду —
и даль, и свет, и воздух, и звезду
вечернюю высокую, на сёла
лиющую покой и благодать.
А в городе такой и не видать —
не климат, видно, в суете и гаме,
где мы, не поднимая головы,
живем в раздрае чувств: увы, увы,
вот было б хорошо обратно к маме,
где даль светла, кристален воздух, тишь...

Вздыхает осеняющий крылами:
ну знаете, на вас не угодишь!

СЕВЕРНОЕ ЛЕТО

Вот мчит меня экспресс
 день-ночь, и день, и ночь —
а те же за окном пейзажи и приметы:
и ёлки-палки те ж, и иван-чай —
 точь-в-точь
все тысячи км, всё северное лето.

Ах бедное моё! Как скромн твой наряд,
как далеко тебе до розового сада,
где небеса — о да! — торжественно горят.
Там — рай! Но прав В.В.,
 и нам туда не надо.

Мой русский север — пусть
 тут всякий как ничей,
а только углядишь
 родного края крыши,
и — ярче облака,
 и лес пышней и выше,
и милый иван-чай
 пылает горячей.

2007

* * *

Уходят люди — как в небытие.
Всего-то адрес поменял или работу.
И — канул. Был — и не был. Стал у. е.
Условно есть,
но при своих заботах.

Нам будто некий механизм
диктует злой,
из сердца гонит вон,
коль с глаз — долой.
И — свято место не бывает пусто —
легко звено меняем на звено,
машина-жизнь налажена искусно:
что ровно, то ровно.

Вот разве только в суете сует
тень смутная какая-то тревожит
и что-то в нас неможет, может,
а может — нет...
Исчезновение важного чего-то?..
Но мы жужжим и наполняем соты.

Когда же с прямотой кривых зеркал
сон выявит, что тщетно ты искал
в пределах дня и под пятой Молоха,
и разграничит «хорошо» и «плохо»,
где — правда, а где — ложь,
и ты потерянное вспомнишь имя:
— Душа моя! Ну, здравствуй!
Как живешь?
— Жива еще. Молитвами твоими...

1998

* * *

Жизнь одарит невпопад —
ой, спасибо! — ты и рад.
А за тяжкие труды —
только хлеба да воды.

Только лишь воды да хлеба.
Да пригляд всегдашний неба:
знай и помни, помни знай —
терпеливым будет рай.

Ну и что нам остаётся?
Жить да быть, пока живётся.
Радоваться, что живём.
Не сдаваться ей живьём.

1996

* * *

У динозавра — вес.

И нрав не робкий.
Но мелочь — в черепной его коробке.
И вот бедняга шествует, не зная,
что пробил час его,
дошел до края.

А ты, венец творенья,

ты-то разве
не знаешь, что — за краем?
Ум за разум?..

Ты сам беде и двери отворил.
Из тризны норовишь устроить праздник.
На брата — брат!

Безумие — заразно.
Должно, Господь не ведал, что творил...

1997

* * *

Спешить, бежать, лететь! — остановиться.

Прозреть, увидеть, как земля цветёт.

Есть преимущества у возраста —

ну вот

хотя бы: никуда не торопиться.

В глубоком небе тихо утопиться.

Воскреснуть вместе с солнцем.

Напролёт

весь день смотреть вокруг

и изумляться

подробностям. В лесу, попавши в сеть

теней и бликов, напрочь затеряться.

Найти себя. Вот только бы успеть!

2004

* * *

2000

* * *

И вечно мы — как первоклашки в школе:
что приобщились — да,
 что осознали — нет.
Мы верим на слово в то, что ученье — свет,
заведомо согласны поневоле.

Тщась мир понять, его дробим и мерим
на доли, грани, капли, звуки, граммы,
на вкус и цвет, на прежде и теперь, и
ПОТОМ.

...Потом, похоже, сбой программы:
мы вместе с мамой снова моем рамы.

Согласно букварю, мы не рабы
(рабы немые), а значит, — трёп и трёп о —
о смысле жизни, происках судьбы

(которая вот если б да кабы
лицом бы к нам, а то ведь — оп! —
и опой).

Дальнейшее, известно, — тишина.
И надо жить. Что в прописях еще там?
Чем больше узнаёшь, тем меньше зна-
ешь (съел?) — о мире ровным счётом,
по сути, ничего.

Хоть был отмечен
тот факт, что мир
недовочеловечен,
что он непостижимо отстранён,
и мы его не составляем части —
чего б ни мнили о себе, — при нём
всего лишь состоим,
как род напасти.
Но увлеклись мы этою игрой,
ждём: вот переведут нас во второй.

2005

* * *

Мягко подплывает к перрону локомотив.
Такова она, женщина. Не более чем уловка
мимики: не силою супротив
силы, но нежностью. Закон жизни суров,
как
и предписано Господом. А значит,
не суетись,
не открываясь, силу не демонстрируй
(Евин завет). Ах, жизнь наша, жись —
копейка, по нынешним ценам — три ру-
бля! Извините, неправильный перенос.
Так же неверен и перенос понятий,
сестры мои дорогие, на братий.
Что, собственно, даже и не вопрос.
Равно как и ровно наоборот.
Ведь в силе женщины — её слабость.

И надобно с силою своей сладить.
Спасибо инстинкту — спасает. И вот —
мягко подплывает к перрону локомотив.
Эй, осторожней там! Сойдите с пути!

2000

РАЗГОВОР С МУЖЕМ ОБ АКТУАЛЬНОМ

Пожалей! К чему мне эти враки?
Ёжусь я от них в стыде и муке:
Не доедешь на хромой собаке
к Богу в рай, уж извини — на суке.

Хватит мне политики — не надо!
Навсегда вчерашняя газета.
С этим вот со всем — до вертограда?
Не смей! Ну, разве — до клозета...

И опять ты припустил аллюром,
мучишь телек, скачешь по каналам.
Ох, Россия, дура же ты, дура!
Болтовня еще не доконала?

Вечно, что ль, под этим светлым небом
мужикам — болтать, а бабам — хныкать,
быть готовым вечно горе мыкать?..
Дети есть хотят.

Пошла за хлебом.

1997

ЗАГАДКА

Всасывающий, как воронка.
Наглый, как таракан.
Каркающий, как ворона.
Пошлый, как граненый стакан.

Супероптимистичный,
шустрый и заводной,
только вот истеричный
и серый, хоть и цветной.

Мрачный, как путь немлечный.
Нищий, как три рубля.
Слепо-глухой. Увечный.
Ботающий на бля.

Тупой, как сибирский валенок.
Иной раз — совсем дурачок.
Болтливый, как на завалинке.
Но если нельзя — молчок.

Мáнящий, как халява.
Приторный, как халва.
По праву ли — не по праву —
качающий свои права.

Ржащий, вопящий, жрущий.
Врущий, как аноним.
Всё и вся продающий —
как те, кто стоят за ним.

Жалкий, как проститутка
уровня «отвяжись!»
Жуткий, под видом шутки
заменяющий жизнь.

Тот, с кого взятки гладки,
с кем проиграешь в дым...

Теперь о самой загадке:
зачем мы в него глядим?

2000

* * *

Человек должен быть счастлив.

Кто несчастлив — виноват.

Восточная мудрость

Впадаю в грех уныния, как в реку
приток: не хочешь, да несёт.

Прости, Господь, но если больше некуда... Не простит и не спасёт.

И ангел мой, приставленный быть рядом
и призванный не выдать («Буду гадом!»), —
он первым на меня и донесёт.

И будет суд небесный — слишком скорый,
как поезд, всё равно куда который —
обдаст палёным, грозно протрубит,
и — мимо (не до вас!). И ты убит
вернее, чем неправым приговором.

Стою обочь, и мимо день течёт.
Едва родившись, он идет на вычет.
Унылый дождь мне тупо в спину тычет,
что этот недосчёт — мой недочёт.
И тот стукач, небес подбитый ватой,
он тоже — мол, сама и виновата.
Повинной головы меч не сечёт...

Впадаю в грех уныния, как в детство
впадают. А куда ещё-то деться? —
Не осенит благословенье лба.
Мир спятил, крыши сносит, девять баллов.
А — бедное — упало, Б — пропало.
И что осталось? Ничего. Труба.

О, Господи, как я тебя звала!
А сверху мне: не поминайте всуе,
не отвлекайте — у Него дела!
Навлечь твой гнев я, Господи, рискую,
но, Господи!..

И тихо, и глубоко
сквозь тучи глянет золотое Божье око:
ну, с добрым утром, друг мой, как спала?

2001

* * *

Тот свет — как оправдание жизни тут.
По сути, непреложный институт.
Чем ближе, тем бесспорней,
что логично.
(Нужды нет убеждаться в этом лично).

Чем ближе, тем туманней перспектива
стать исключением: уходят все.
И к нам придет старушка при косе.
Ну, попоздней — в порядке позитива.

А мы беспечно предаем и лжём,
лелеять бы — а мы не бережём
и не казнимся, что казним
друг друга.

Но к Богу в рай —
с таким-то багажом —
куда?! — понятно даже нам с ежом,
а вот поди ж ты... Квадратура круга.

В круговороте, в круговерти дней
(мы, бедные, еще на день бедней!),
когда совсем уже чуть-чуть на дне, и —
успеть успеть! — все чётче и виднее
край, — светит нам надежда
на тот свет,
где и поговорить, и повиниться...
Но бьётся, бьётся в клетке
злая птица:
«А ну как нет его, а ну как — нет?»

2004

* * *

В мире, где никто никого не любит
(под колеса, что ли, или в петлю бы),
вся надежда только на небеса, и
это нас одно пока и спасает.
Больше ничего. Ничего нет больше
неба, что легло от Курил до Польши.
Уж во всяком случае, в этом мире.
... Это только кошка на все четыре
лапы приземляется, если сбросят
сверху. Ну а нас-то спихнут — не спросят:
каково, мол, как ты, летать умеешь?
А давно пора бы понять: умнее ж
не тревожить небо, что вечно хмуро
от и до — аж до берегов Амура.

Мы к нему взываем: да помощи же!
Что у вас опять? — небо ниже, ниже.
Над полями, мрачное, над лесами.
Сколько вас учить-то, мол: сами, сами...

2007

* * *

Итак, Итака. Плачет Пенелопа...
Скорее Азия, а не Европа —
еще тысячелетья до неё.
И далеко еще до однобожья.
А прошлое и ближе, и дороже.
И очень может статься — не враньё
все эти докучавшие героям
(да вон — рукой подать до мезозоя!)
реликты. И клубится вороньё.

Или с Олимпа насылают тучи?
Не в назидание, скорей —
на всякий случай,
чтоб знали, кто есть кто
и что почём.
Как никогда в почете лицедейство.

Мир молод. Больше — пребывает в детстве.
С людьми играют боги в чёт-нечёт.
Грозою и нектаром пахнет воздух.
И ничего не угадать по звёздам —
любой с ума бы съехал звездочёт.

2000

КУХНЯ МУЗЫ

Древние любили маленькие лбы
у женщин, которые их уменьшали
с помощью повязок.

Гельвеций

Оставь стило, голубушка, и ты.
Вот нож — давай со мной
 картошку чистить.
Хотя, конечно, Муза у плиты —
сюжет не для эстетствующей кисти.
Скорей, для Комара и Меламида.
А, собственно, что крылышки повисли?
Не куксись, моя милая, не выдам.
Да, так о чём я? Сбилась с мысли...

Не мудрено — «элементарно, Ватсон» —
не мысль кипит, а суп. Огонь убавь.

Вот участь проклятушая у баб!
На кухню с лирой лучше не соваться.

А между тем не ей ли посвящал
восторженные вирши — каше, щам —
ветхозаветный, помнится, Херасков?
Ой, грубо, милая, — что значит

«как же, ща»?

Пиит сей не случайно был обласкан
какой-то из толстух-императриц —
должно, поесть была губа не дура,
отсюда и державность, вес, фигура.
(Морковочки, пожалуйста, натри...)

А возглас твой — фи, поперёк стиха,
на этом низком сленге, в самом деле!
Где стиль, где вкус? Но рифма неплоха —
считай, что съели...

Ах, не Херасков? Да не в том же суть,
какие нас правители пасут,
и кто подыгрывает на свирели...
Вот бросим всё сейчас — и в менестрели!
(Натёрла? Спассеруй её — и в суп.)

Лилит бы, а не эта клуша Ева —
не эти бы тоскливые распевы

у очага — кабы Лилит, Лилит!
Но дерзкие ей крылья подпалит
в той самый миг, когда она взлетает,
и вслед: ату её, ату! — своя же стая.
Плоды селекции. А вот кому пенять?
То Божий Промысел

иль дьявольские козни —
ни сердцем, ни умом нам не понять,
ведь мы на самом стыке этой розни.

И рвешься в небо — оглядишься — яма.
Под тихое хихиканье Адама:
не рыпайся, мол, курица — не птица!
Ну, вышло парню без ребра родиться —
уж то-то гордости! Он разве иногда
зачтёт нам, снисходя, Марину с Анной.
(Рис на гарнир, как закипит вода...)
Мой тоже пыжится!

А, согласись, — ну, странно —
ведь не дурак как будто — в мать пошел...
Да всё я понимаю хорошо!

Мы по определенью — сорт второй.
Развенчивать сие не стоит браться:
от веку так — где равенство, там братство.
А мы, сестричка (крышкой накрой

кастрюлю) в радость мужескому полу
возьмём — и лоб повязкой опояшем.
Век счастья не видать всем тем, кто школу
не проходил притвор и обаяшек...

Недавно навещали сын с невесткой.
Я говорила? Скоро внук родится —
от старшего. А младшему — повестка
в военкомат. И — годен к строевой.
Реву. Да бабьи слёзы, что водица.
Суп все равно солить. А ты его
солила, кстати? Вот уже котлеты —
готовы вроде. Можно звать к столу.
Сама-то что же? Аппетита нету?
Ну, ладно, хватит ворошить золу.
Давай оставим дамские резоны —
что есть, мол, голова, но не хватает рук.
Так жалко это — как привет из зоны.
Причём тут сталкеры?

Всё горше, милый друг.

Да я шучу! Ну, вот и снова скисла.
А крылья-то на что!

Ты в них не видишь смысла?..

2002

* * *

Вот и всё. Лето, видно, идёт к концу.
По утрам холодает.
То, что мне надо было сказать Отцу,
я пыталась, но — да ведь? —
вышло как-то невнятно. Ропща, стыдясь.
Что ещё в этой каше? —
Из укоров с пардоном привычная вязь,
и стеснительный кашель
умолчаний, и то, что всегда свербит
в подсознании — чёрт с нею,
с этой путаницей обоюдных обид,
не честнее ль
прямо так и сказать (в преддверьи зимы,
в ожидании вьюги),
откровенно признаться: не очень-то мы
помнили друг о друге...

2006

Небо
на ДВОИХ

* * *

Моя душа — потёмки.
Она твоей — чужая.
(А если кто не сеял —
с чего ждать урожая?)
В ней окна все — на север,
так мне не угрожает,
что солнца лучик тонкий
не озарит — ужалит.
И ставни все закрыты —
вдруг прояснит, что прячу
разбитое корыто
там, в темноте незрячей...

2003

* * *

Нет печальней слова «было»,
пыль на нем бывшего пыла.
Пыль, тенёта, ёлки остов
новогодней, мишура —
столь банально, сколь и просто:
жизнь воистину — игра.
И — спасибо. Гран мерси.
Было, больше не проси.

Но живуче слово «будет»,
и оно еще разбудит
дерзкой крови молодой
гул — монгольской ордой
по степи лавиной, винной
терпкости глоток — да что! —

не глоток — поток, потоп
свежести и ветра, льюиной
гривы на лету, в прыжке
зависание-пике.

И не спрашивай, о Боже,
что мне ближе и дороже.

2003

* * *

Для тебя свечой тысячеваттной
полыхала.

Поначалу.

Но

получилось, как в плохом кино.

Предал ты меня тысячекратно
до того, как встретил, и сейчас —
в тысячу уже который раз.

Жизнь в её течении превратном —
потаскушка, в сущности. И вот
налицо вещей круговорот:
ты пришёл,
ты просишься обратно.

Если б, рыцарь мой, в запале ратном,
в раже боевом, и — виноват, мол.
Если б просто сокрушил-порушил,
если б только это —
вынул душу!

Что маячишь, маешься, оратай
(слава Богу, нет уже мне дела,
сколько и каких полей возделал),
что стоишь, чужой —
ни сват, ни брат мой?
Проходи, садись, чайку попьем.
Помолчим, хоть не о чем, вдвоем.

У попа была собака,
он ее убил.
Вот история, однако.
Говорит: любил...

1990

* * *

Расцвечена, как на подмостках, осень,
озарена листвы опавшей светом.
Вот-вот аплодисменты грянут: «Просим!»
Наш выход? Но ведь мы играли летом,
где по сценарию совсем другие роли,
где мы счастливо чепуху пороли,
у реплик наших — летний колорит.
Легко, играючи там отвели беду мы.
Там было лето! Кто бы мог подумать,
что всё в осеннем пламени сгорит.

Там мы надежды летние питали.
Там птицы счастья в окна залетали —
во что уже и верится с трудом.
Поскольку — осень. Здравствуй, золотая.
Ты, как всегда, неожиданной гостьей в дом.

И что теперь по плану режиссёра
мы... Ах, уже не актуально «мы».
Есть монолог в предчувствии зимы,
которая, казалось, так нескоро...
И вот в глаза её холодные гляжу.
Мой выход? Я его не нахожу...

1989

* * *

Сон-путаник всегда перевирал
акценты, сцены,
 с временем играет:
вот мы с тобою накануне рая,
а между прочим —
 изгнаны уже.

Давно не на седьмом мы этаже

(то бишь, на небе) —
ниже, много ниже.

Где — страсть? И где — любовь?
И с ними иже?
Всё пронеслось фанерой над Парижем.

Но что ему до правды в неглиже?
Мой сон упрямо небылицы нижет,

и ретуширует, и покрывает лаком,
и выдаёт за явь — с обратным знаком.
Парадоксален, зыбок он, однако
последователен и упёрт в одном —
им корректирующий выведен бином,
и, по закону Гипноса, мы — рядом,
мы — сумма.

Разность душзачтётся ладом.
Любовь, она командует парадом.
Мы счастливы — по правилам игры.
А после — в явь, домой,
в тартарары.

Проснулась. Этот сон...
За тенью тени —
что? Смысл какой? Намёк?
И не за тем ли
торопится он
Млечный путь затеплить,
чтоб высветить подсказку
в сонном царстве —
коль дверь закрыта —
распахнуть окно?
Или всё это — в качестве лекарства,
да вот рецепт прочесть мне мудрено...

1998

СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ

На привязи особенно
и зло
свобода
псу дорога.
Не оттого ли нас с тобой
свело,
как сводит
судорога?
А пёс ничей мечтает о цепи,
о будке
с хлебобом...
Из снега прошлогоднего
лепить —
не стоит пробовать!

Нет, я, дружок,
 свободе присягну,
 ее Высочеству.
Пойдём со мной,
 провоем на луну
гимн Одиночеству.

2003

Весь белый свет — сплошная белизна.
Навечная легла зима — без грима
весенних обещаний. И она
(зима) была глупа непроходимо.
Да разве нас могли разъединить
снега, морозы, вьюги пересуды?
Чем ненадёжней Ариадны нить,
тем вероятней избежать остуды.

Так мы наивно полагали, что
деля с ней жар свой,
 в результате — множа
(так полагали мы), — её, её же
и к лету склоним, зиму. И никто
из нас двоих не углядел: на деле
она уж как-то слишком мягко стелет.

И как-то незаметно подошло
то время отрезвления и грусти —
еще не вечер, может быть, допустим,
но жить осталось только набело.

1989

* * *

Наклика́л: никому ты не будешь нужна,
будет дом твой холодным, сиротским —
твой ужин.

Ты ошибся, мой милый, —
никто *мне* не нужен.
Даже тот, кто беда моя или вина.

Он, кто врал, что тепло ему рядом со мной,
может быть, и согрел бы мой дом ледяной,
но привычно делю с одиночеством ужин.
Я ошиблась, мой милый.
Никто мне не нужен.

1998

* * *

Злая скрипочка опять пилит
стылый воздух.
Ледяное крошево звуков под смычком.
Как мне холодно, мой Бог, холодно!
И поздно
сожалеть... Я не жалею. Было бы о ком....
Грохот — аккомпанемент мусорного бака,
ветер взвыл, рычит авто — все на одного!
Снова чей-то во дворе пёс скулит,
собака!
А скорей всего — ничей.
Так, скорей всего...

2003

СУДЬБЕ-ЦЫГАНКЕ

Нагадай-ка мне кудряво
на последние рубли
много денег, много славы,
а любви — не сули.

Ну, поверю я невольно
в эту блажь и в эту ложь.
Только больно, больно, больно,
больно дорого берёшь.

Мне с тобой на этом вече,
посреди людской молвы
и расплачиваться нечем —
поистратилась, увы.

2002

Тень
бабочки

* * *

В молодости все — не без стиха.

Минул срок, и вот —

меняет листья,

облетает Дерево греха.

Для других —

тьма новых зреет истин.

Подступает проза жизни. Нет

и причин уже сходить с ума.

Но как прежде ясен белый свет,

хоть того крошечней истин тьма.

1998

* * *

Как тихо спят у изгороди тени,
и как мне душно в этой тишине.
Стоп-кадр. Одно из жизненных

мгновений —

наверно, не решающих, но не
исключено, что важных: почему-то ж
застряло в памяти — июль, жара,
тень бабочки, как на просвет, пестра
и радужна. А на душе так смутно.
Чего-то жду?.. В оцепененьи день,
в оцепенении, дремоте, лени...
И тихо спят у изгороди тени,
и душно... Только бабочкина тень
скользит себе легко и прихотливо,
и сонным взглядом я слежу лениво:
танцуют бабочка и тень её. «Тень-тень,

тень-тень», — щебечет звонкая пичуга —
другой фрагмент из жизненного круга,
за ним — ещё... Нет, память, погоди
темнеть, опять запутывать заране,
вернись в тот полдень лета посреди,
свой объектив на резкость наведи —
зачем-то же из тьмы воспоминаний
всплывает эта пища для ума?
В чём суть, что важно,
что на первом плане?
Тень бабочки? Ах, это жизнь сама...

2000

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

О, женщина! Ты ведьмовский напиток...

В. Брюсов

Как всё безвыходно лилово...

Б. Ахмадулина

Так фееричен, женственен и томен,
так нежен, тонок, изощрён, нескромен,
так умысел прозрачен, смысл тёмен.

Так ирис, милое дитя модерна,
провидит, видно, что-то суеверно —
грядущий век? — и вздрагивает нервно.

Течёт волос ли, трав хитросплетенье,
так колдовски рифмующее тени
сиреневые и сирены пенье...

О, длись очарованье — снова, снова!
О век Серебряный! О золотое слово!
О как же всё безвыходно лилово...

2006

* * *

«Одиночество — благо», — поэт говорил
со страниц незалистанной книги.
Он спасал меня, он утешенье дарил,
он оправдывал эти вериги.

Медь словесная (павловские пятаки —
хоть и стёрты, немалого веса)
убеждала, что метаморфозы легки,
что в пустыне мне нет интереса

до ничтожных потерь: сам себе
не польстишь,
не солжёшь, не напустишь тумана.
А в награду — такая душевная тишь
(Может быть, и хотел бы, и очень,
да — шиш,
не украсть из родного кармана).

Без иллюзий живу. Ведь не взять,
так не дать.

Но, вкусив самомнения яда,
не забыть бы: доступнее, чем Благодать,
сатанинские яблочки ада.

1998

* * *

На языке небесном, неземном —
тут речь о воспарении, а значит,
им изъясняются, когда незрячи
и пылки, остальным — привет горячий —
всем тем, кто порознь, кто не два в одном.
Всем остальным — привет и будь здоров —
давно забывшим, как болеть друг другом.
За раем — ад. И — снова. Круг за кругом
претерпевать, наламывая дров
такие кубометры, что при этом
излишен явно мобиле перпетум —
энергии достанет, чтобы вечно
лететь Земле, где путь проложен Млечный.

На языке небесном и — земном.
Поскольку здесь же рядом, за окном,

да вот, прислушайтесь! — листва лопочет,
на ветер жалуется, тот хохочет,
и, примиряя их, река речёт
на языке почти что человеческом.
Так плавно-плавно речь ее течёт.
И замолкает ветер — крыть-то нечем.

На языке, которым говорит
поэзия, на языке, в котором
осенний день как первый раз горит,
а не привычным (вот — опять...) повтором,
на языке извечном, корневом,
на языке забытом, но живом
пошли, Господь, твоим подобьям слабым
не говорить, так понимать хотя бы...

2005

* * *

Чего утешать-то — мол, жизнь полосата?
За теменью — снова не видно не зги.
Что в ширь, что в длину разлеглась
полоса-то,
мне вечно не с той подниматься ноги.

«Не кисни, не плачься»... А я и не плачу.
Глаза мои, — Господи, видишь? — сухи.
Урок твой решаю. Свои незадачи
решаю. Вот, видишь, — тетрадка, стихи.

2002

* * *

У менторши-судьбы так непонятен почерк,
так невообразим.
Одно — чем больше лет, тем уясняешь четче,
что еще больше — зим.
И понимаешь — о, с большим трудом, но всё же:
наверно, есть резон
в том, что чем старше ты, тем нрав ее моложе,
бескомпромиссней тон.

2006

НОЧНОЕ (не шутка)

(не шутка)

Алконост в оперении радужном —
радости птица —
мне и не снится.

радости птица —

мне и не снится.

Птица Сири́н постылая —
стылой осени дочь —
чуть не каждую ночь.

СТЫЛОЙ ОСЕНИ ДОЧЬ —

чуть не каждую ночь.

Прочь! Изыди, плаксивая,
сирая, серая —
тыща первая серия.

сирая, серая —

тыща первая серия.

Надоело давно
чёрно-белое это кино...
Но

чёрно-белое это кино...

Ho

мой защитник,
мой ангел-хранитель по штату
(заслон супостату),

мой ангел-хранитель по штату

(заслон супостату),

тот, который, по сути, всего лишь
нет-нет да объявится
(вот ведь красавец, а?)
и с налёту: да что ты, я — рядом, как надо,
не трусь, сразу цель по «шарам» —
ну и — но пасаран!
Шустрый! А поглядишь —
прямо светится,
с пальмовой ветицей,
девица девицей.
На него-то надеяться?
Он в своих облаках кучевых
кучерявится, чудо в перьях,
а я очи вперю
в потолок — сон гоню:
ведь опять заталдычит пророчица.
(А спать-то как хочется!)
Но одной не осилить
всенощную тёмную муку...
И что за науку
дятлом-долбнем (см. Даля)
вколачивает, как в фундамент
железобетонные сваи,
эта злыдня — без сна и
покоя (Жизнь, ты знаешь, что это такое?)...

1996

* * *

Полгода, нет — какое! — трети две
от года прозябаем — зябнем, дышим
на пальцы, друг о друге мало слышим,
закрывшись по домам, и о листве,
траве, цветах — о лете, о тепле
тоскливей вспоминаем мы и чаще,
когда в просвет сквозь ледяные чащи,
что на оконном выросли стекле,
пытаемся увидеть предстоящий
день. Только контур будущего слаб —
запорошён и потому невнятен —
так, ни о чём не говорящих пятен
калейдоскоп. И хочется хотя б
намёк узреть — предупреждённым легче,
ведь знал бы — так соломки подстелил...

А лето далеко еще, далече
и белый-белый
белый свет не мил...
И чувства спят, один досужий разум
влечёт глядеть в застывшее окно
и смысл искать особый в том, что разом
всё и сокрыто, и обнажено.

2005

* * *

Времена, ох времена!
Хуже разве что война...
Только что б ни говорили,
как бы время ни корили,
всё искупят, и с лихвой,
сильный ветер верховой,
гул листвы над головой
и сулящий нам надежду,
пробивающийся между
туч — свет солнышка живой.

2003

* * *

Твердь небесная — истинно твердь:
от «твердеть». И все твёрже и твёрже.
Как бы нам исхитриться, и — верть! —
ускользнуть от диктата.

О Боже,
сколь законы твои тяжелы.
Бьёшься, бьёшься о те же углы
в темноте — и себе же дороже
мелочь знания. А толку копить! —
всё меж пальцев песком просочится.
И глядишь, уже осень стучится:
искупи, — говорит, —искупи!

Птичка Счастья
с прощальным «курлы»
(за подсказку спасибо, Иосиф) —

и взаправду ведь, Господи, осень.
А всё так же углы не круглы.
И всё так же на вечный вопрос:
вот живём, а зачем? — нет ответа.
И тем паче — привета. Без слёз
нам юдоль и не мыслится эта.

Да ещё и прощенья просить!
Боже милостивый, но за что же?
Если б жизнь! А то — так, поносить
дали, и — отдавай-ка одежду!
Мир прекрасен, о Господи, твой,
ослепителен, — кто бы и спорил! —
только ты нам являешь его
скупю — словно сквозь дырку
в заборе.

Ты пасёшь нас в надежде спасти.
Мы грешим, коль свобода не светит.
Уж войди в положение, прости.
И слышалось: «Дети вы, дети...»

2007

СОДЕРЖАНИЕ

Юрий Беликов. Между Сирином и Алконостом . .	5
С ПРЯМОТОЙ КРИВЫХ ЗЕРКАЛ	7
«В провинции глубокой, где живут...»	9
Северное лето	10
«Уходят люди — как в небытие...»	12
«Жизнь одарит невпопад...»	14
«У динозавра — вес...»	15
«Спешить, бежать, лететь! — остановиться...»	16
«Только в руки возьмишь молоток...»	17
«И вечно мы — как первоклашки в школе...»	18
«Мягко подплывает к перрону локомотив...»	20
Разговор с мужем об актуальном	22
Загадка	24
«Впадаю в грех уныния, как в реку...»	26
«Тот свет — как оправданье жизни тут...» . .	28
«В мире, где никто никого не любит...»	30
«Итак, Итака. Плачет Пенелопа...»	32
Кухня музыки	36
«Вот и всё. Лето, видно, идёт к концу...»	38

НЕБО НА ДВОИХ	39
«Моя душа — потёмки...»	41
«Нет печальней слова «было»...»	42
«Для тебя свечой тысячеваттной...»	44
«Расцвечена, как на подмостках, осень...»	46
«Сон-путаник всегда перевирает...»	48
Собачья жизнь	50
«Весь белый свет — сплошная белизна...»	52
«Накликал: никому ты не будешь нужна...»	54
«Злая скрипочка опять пилит...»	55
Судьбе-цыганке	56
ТЕНЬ БАБОЧКИ	57
«В молодости все — не без стиха...»	59
«Как тихо спят у изгороди тени...»	60
Серебряный век	62
«Одиночество — благо», — поэт говорил...»	64
«На языке небесном, неземном...»	66
«Чего утешать-то — мол, жизнь полосата?»	68
«У менторши-судьбы так непонятен почерк...»	69
Ночное	70
«Полгода, нет — какое! — трети две...»	72
«Времена, ох времена!..»	74
«Твердь небесная — истинно твердь...»	75

Валентина Поспелова

СЕВЕРНОЕ ЛЕТО

Сборник стихов

Редактор — Екатерина Зайцева

Компьютерная верстка — Павел Нагорских

Корректор — Вера Смородинова

Фото — Анатолий Зернин

Фото на обложке — Андрей Ширинкин

Поспелова В. М.

Северное лето. Сборник стихов. Пермь, 2008